

18.04.07

Мама накрыла на стол. Все как полагается: скатерть, четыре тарелки, посередине — блюдо с салатом, накрытое полиэтиленом, вилки, ножи, салфетки и четыре черно-зеленые алюминиевые банки со львом на этикетке. *Лучше они будут пить дом и с моего р зрешения, чем где-то в подворотне.* В крохотной «однушке» с выцветшими обоями, с дубовой советской мебелью ощущалось неожиданно уютно, так, как давно уже не было. В квартире пять человек. В тесноте да не в обиде. Уходя, мама обрратилась к Кате:

— Катюш, ну ты погляди за мальчиками. И за моим — особенно.

Яша нахмурился и поторопил мать:

— Лан-лан, харе, давай уже, пока!

Мама надела сапоги, сняла с крючка шерстяное пальто. Яша открыл ей входную дверь.

— Будь поздно, — добавил Яша.

— Ладно.

Мама взяла сумку и у порога попрощалась с сыном: попыталась поцеловать его, но он не дался. Она улыбнулась на это и сказала громко:

— Веселитесь, ребят! Я ушла.

Дверь в коридоре хлопнула, и через секунду Яша радостно влетел в комнату:

— Ну все! Давайте убирайте эту фигню. Пусть ее вон Катюха пьет. Мы с вами забомбим настойку. Четырнадцать лет как-никак — уже нужно!

Из-за дивана Яша достал две пластиковые бутылки с жидкостью вишневого цвета. «У тетки спер», — торжествуя заметил Яша, открывая одну из бутылок и разливая ее содержимое по бокалам. «Тема — вещь».

— А мне можно попробовать? — спросила Катя.

— Не, Катюх, серьезно. Это жесткая штука. Потом тебя до дома нести...

Парни выпили. Яша опрокинул рюмку и крикнул. Дима долго собирался с мыслями, прежде чем сделать глоток, выдохнул что есть сил, а потом выпил. Еж стал медленно тянуть настойку, но как только вдохнул носом, подавился и закашлялся.

— Хреново пошла? — Яша постучал по спине Ежа. Тот продолжал кашлять.

— Нельзя по спине бить! — возмутилась Катя. — Ежик, попей воды.

С упорством продолжали пить настойку. По правде, она не нравилась никому, даже Яше, но они все равно пили, а Катя сидела рядом, тоскливо вздыхая.

Настало время подарков. Дима подарил игру для игровой приставки, Еж — второй джойстик, для нее же, а Катя подарила Яше майку с медведем с поднятыми лапами и надписью «Превед, медвед!».

— Офигенно, ребят! От души!

— А что тебе мама подарила? — заинтересовалась Катя.

— МРЗ-плеер, — с удовольствием ответил Яша.

— Да ладно! — воскликнули в один голос Дима и Еж. — Офигеть!

Первая бутылка закончилась. Еж приучился не цедить из стакана, а пил залпом, как Яша. Диму после каждого глотка передергивало. Начинали вторую бутылку уже без него — его тошнило в ванной, Катя сидела с ним и лила из душа на голову холодную воду. Дима все говорил: «Я сейчас умру, а вдруг правда умру? Я умираю, точно умру...» Катя улыбалась и гладила сплпшиесе от воды волосы.

Яша с Ежом вышли на кухню покурить.

— Приколись, лицензионные игры на Соньку — черного цвета, не как обычные диски, — заметил Яша.

— Я сколько к тебе хожу — ни разу у тебя не видел таких.

— Ну, у меня и нет. Да и ни у кого нет, наверное, в России. Здесь только пиратки толкают. Мы с тобой погамаем в Диманову ща. Там вместе гонять на мотоцикле. Один за рулем, а другой в коляске. И типа с другими чуваками на мотиках можно бодаться, и ментов бить можно. А цэ а бэ, короче.

Еж и Яша вернулись в комнату и развалились на диване. Запустили игру. Яша дотянулся до стола, взял банки, приготовленные для торжества мамой, в две руки, открыл обе одновременно, одну поставил около себя и вторую передал Ежу.

Еж смотрел напряженно на экран. Его маленькие глаза делались еще мельче из-за игловатой прически. Волосы, черные на корнях, светлые на концах, точь-в-точь как иголки ежа. Вернулись в комнату Катя с Димой. Теперь Диму отпустило, он оживился и даже улыбался.

— Мне дало прям не по-детски, — заметил Яша. — Давайте замутим бутеров. У меня тостер есть.

— Ого, тостер! — воскликнула Катя.

Катя с Яшей пошли на кухню делать бутерброды, скоро вернулись, и все снова сели за стол. Быстро доели остатки салата, а потом захрустели бутербродами.

— Все-таки хорошо, что в этом году как-то по-домашнему, — заявил Яша. — Спасибо, пацаны. И тебе, Катюх. Толкните что-нибудь такое, за душу чтоб, — сказал вдруг Яша.

— Зачем? — удивился Дима.

— Не все ж угорать.

— У меня жило дома пять котов, и все они померли, — грустно улыбаясь, откликнулась Катя. — Несчастливо живут у меня животные. Последней каплей стал хомяк: я сделала ему та-

кие хоромы, так его любила. У него свой дом был, ты видел, Яш, реально же классный? Хомяк вдруг перестал есть, а потом и не двигался вообще. Я так в жизни, кажется, никогда не плакала. Он сдох, а клетку мы оставили, и всю ночь не спала из-за этого.

— Ну, ничего. Зато у него была веселая и счастливая жизнь в хоромах, — заметил Дима.

— Да, но все равно грустно. Он прожил по нашим где-то девяносто лет.

— Ого! Так это вообще хомяк-долгожитель.

Все засмеялись.

— Без тебя он так долго бы и не прожил, — добавил Еж.

Катя грустно вздохнула.

— Ладно, не ломайте тут комедию. — Яша побил Катю по плечу. — Теперь он, это... в лучшем мире.

— Вот в раю классно, — задумчиво произнес Еж. — Там Курт Кобейн.

— Чего? — не понял Яша.

— Ничего. Он был самоубийцей, но сделал слишком много, чтобы, как все, попасть в ад. Хотя, наверно, и нет никаких адов и раев.

— Ты чего такой пафосный? — Дима смотрел на Ежа недоверчиво, с усмешкой.

Яша хмыкнул, а Катя отвела взгляд в сторону.

Обидно, д вно уже обидные слов он говорит мне. Ему н до бы в морду д ть. «Ты крутой, как яйцо! Ты крутой, как яйцо!» — орал Дима, стуча ладошкой по столу, Яша точно так же, как сейчас, хмыкал, а Катя отводила взгляд в сторону. Это на день рождения Ежа, лет пять назад. Тогд з столом еще сидели мменьк и отчим. Ежом меня еще не зв ли, я был просто Сережей. «Ты крутой, как яйцо! Ты крутой, как яйцо!» Отчим, когд увидел мое лицо, р зозлился сильно и ск з л, что если я не перест ну обиж ться н глупости, он выгонит меня из-з стол . Он должен был быть н моей стороне. Н верное, тогд он чему-то меня учил. Дум л, что учит. А я себя н чин л потихоньку нен видеть з то, что я не могу опр вд ть н дежды людей близких. Но отчим — не близкий, потому что он не з щитил.

За окном уже совсем стемнело. У Димы сильно разболелась голова, и он захотел домой:

— Я — всё. Кто со мной?

— Я тоже пойду, — сказал Еж.

— Пошли. Кать, ты с нами?

— Нет, я тут уберусь. Я обещала маме Яши.

Дима с Ежом пошли в коридор, обулись, оделись. После того как проводили Диму и Ежа, Катя села в комнате, чтобы немного передох-

нуть. В комнате тукали массивные настенные часы с маятником. Тишина. Эту тишину она знает по себе: обычно ночью, когда она остается одна, ей не спится, она подходит к окну в своей комнате и смотрит долго на пустую улицу и ждет чего-то, и в такие минуты ей кажется, что вот-вот случится праздник, счастье неопишное, и тогда она ложится спать, мечтая о завтрашнем дне.

— У тебя хорошая квартира, Яш, — произнесла Катя, когда вернулся в комнату Яша. — И мама хорошая, не обижай ее.

Она собрала грязную посуду со стола, отнесла на кухню. Яша разобрал стол и поставил его в угол, рядом со своей кроватью. На кухне шумела вода, и Яша увидел, что Катя моет посуду.

— От души, Катюх.

— Тебе понравилась футболка?

— Блин, я забыл совсем. Ща одену.

Через минуту он вернулся на кухню в майке:

— Приколись, как влетая. От души, Катюх, вообще!

Катя улыбнулась, она протерла последнюю тарелку и выключила воду. Яша помог Кате надеть пальто и проводил ее до дома (соседнего). «Все-таки хорошая Катюха. Очень хорошая!» — подумал про себя Яша, когда вернулся к себе и в коридоре стал рассматривать свою новую майку с медведем.

Дом Ежа стоял рядом с автобусной остановкой «На горке», обычно здесь Дима садился в автобус, чтобы ехать домой.

Светофор, как всегда, под вечер отключили: моргал желтый. Еж и Дима пошли через дорогу, не глядя ни на дорогу, ни на светофор.

— Да, хорошо сегодня потусили, — сказал задумчиво Дима.

— Угу.

— Надо будет как-нибудь еще вместе потусить.

— Надо. Наверное.

— Через два года ГИА сдавать. Ты не думал, после девятого куда?

— Пойду в десятый.

— Я тоже. Только боюсь провалиться, и к нам в школу не возьмут. Тогда придется в Путягу идти.

— Всех берут в школу. Главное — просто сдать экзамены. Неважно, на что.

Они подошли к остановке, а вдалеке уже показался автобус. Минуту молчали, и как только автобус подъехал, мальчики пожали руки:

— Давай.

— Давай.

Дима сел в автобус и увидел, как Еж заходит в подъезд своего дома: щуплый, странный, непонятный. *З чем он вообще сегодня пришел?*

Мне было его очень жалко. Он рассказывал, что пытался убить себя. Мама и отчим отдыхать уезжали. «Нечего, — говорил м ты, — дом сиди». Он крал материньи таблетки, горсти огромные в себя закидывал, а потом его днями и ночами крутило. Я дум л только об одном: «З бери меня, пож луйст ». Но Он не з бир л. Если есть Ты. Ежик лежал и мучился несколько дней один, в пустой квартире. Это не был попытк привлечь вним ние. Я хотел уйти, потому что поним л, что сл б и ничего со своей сл бостью подел ть не могу. Я нен - видел себя и не хотел ст ть т ким же, к к мой отчим. Н м мины крики он ст р лся не ре гиров ть, сносил их с молч ливым поним нием. Не отвеч ть м ме, д же если получ ешь от нее з трещину з то, что у нее плохое н строение. Мы с м мой всегд были очень близки, когд с человеком близок очень сильно, вероятность, что возникнет взрывооп сн я искр — очень велик . Я с ней руг лся т к, что слыш л весь дом. Особенно когд он н чин л говорить со мной о моей музыке. «У тебя ничего не получится, ты т к и просидишь до ст роста ум мки н шее. Из тебя ничего не выйдет, учись, к к все норм льные люди, идиот! Ты что, хочешь ст ть бомжем или спиться, идиот!» Идиот, идиот, идиот... Нен вижу ее крик. Я был н столько предост влен себе, что м меньк одн жды к к будто н рочно потерял меня н вокз ле. Я уех л в другой город и бродил в нем до с мой ночи, и это до сих пор с мый лучший день в моей жизни. Я гулял, предст вляя себе, что люди вокруг меня — лешие, феи, тит ны огромные. У меня был друг: сырн я лун , говорящ я. Н стоящий друг, лучше всех ре льных, которые друзья-то только форм льно, с ми обм ныв ют, пред ют. Не нужно мне было возвр щ ться. Он запутался. Ужасно запутался, как и я запуталась. Но все-таки я — больше всех. Все из-за меня. Единственное место, где я мог сдержив ться и не пл к ть, — в школе. Все дум ют, что я очень з думчивый и весь в себе. Нет, н с мом деле я очень люблю общ ться, люблю людей и особенно — К тю. Но к ждый р з, когд я пыт юсь с ними з гов рив ть, я поним ю, что они меня не поймут. Лучше всего меня поним ет музык . Он отклик ется и обр щ ется ко мне в ответ. Я уж сно не хочу, чтобы меня ж лели. Во мне что-то полом лось, я р ньше чувствов л в себе силу, тепер я боюсь, вдруг кто-то меня уд рит — стр шно. С м р ньше мог кому угодно ответить. Если бы год

н з д я увидел, к к К тя с Димой идут, держ с з руки, д я бы просто убил н месте этого ублюдк . Сейч с мне все р вно. Я увидел их и не почувствов л ничего. Что со мной? Куд дел сь моя уверенность, моя мечт ст ть музык н том? Я уже не мечт ю и игр ю, влив юсь в музыку только для того, чтобы хоть что-то почувствов ть. Без музыки я глух и нем. И эт глухот и немот мне не д ет покоя теперь, потому что не обр щ юсь к кому-то, обр щ юсь в себя, внутри отклик ется что-то черное, глухое, шипящее. Черт! К к меня р здр ж ют мои ноги: они тонкие, куриные, и когд я иду, они к к буд то выбр сыв ются вперед, к к у утки. А голос. Помню, н с сним ли н Новый год н видео, весь кл сс. Т к стыдно! Я пришел с гит рой, н ч л петь. Н до было дел ть т к же, к к дел ет Дим , который зн ет, что плохо поет, поэтому просто игр ет молч . Черт, мы леж ли с К тей н н шей кров ти, потом т м он леж л с ним, потом со мной, потом опять с ним. Но все-т ки последним был я. Господи, мне теперь всю жизнь жить с этим, но я не знаю как... Больше всего нен вижу свое тело. Я не толстый, нет, но когд я с жусь, живот н чин ет выпир ть, к к будто ш р н дутый. Н подготовительные курсы в институт, в который, уже известно, не поступил, я ездил в метро. Когд с дился, обя з тельно прикрыв л рюкз ком живот. Стыдно

з него. Но теперь, к жется, я все оконч тельно решил. Я р сп д юсь н томы. Я — р сп д то м . Голов совсем не в рит... Оно смотрит. Он говорил, что больше всего боится, что не поступит в институт на бюджет. И весь этот институт. Всего лишь прихоть м тери. Я бы мог ст ть музык н том. Я бы мог. Если я умру, то не все ли р вно — обр зов нный или тупой? У всех один ково тело потом воняет, тлеет, всех черви один ково жрут: будь ты бомж с Курского или Ж н-Поль С ртр. Помню, выпил т блетки, потом пров лив лся в пол, еле полз до кров ти и слыш л, к к кто-то пл чет, сидя рядом н постели. А Яш меня перед этой дебильной стрелой все спр шив л: «Что с тобой, что с тобой?.. Соберись!» А я просто не мог. Я превр тился в трус ! Я спрашивала его, что с ним. А он мне все время отвечал, что просто задумался. Мне нр вится во мне только одно: я мог ст ть действительно хорошим музык н том. Я бы мог ст ть громом и молнией, с мой музыкой революции! В последнее время я его немного побаивалась. Мне казалось, что вот он сидит со спокойным лицом, ничего по его взгляду непонятно. Он просто молчит и смотрит. Я говорила ему, что все будет хорошо, гладила его иголки. А потом он вдруг сказал, что не любит меня. Я К тю все-т ки не люблю. И м меньку свою не люблю. С детств не люблю и никогда не любил — только сейч с понял. М меньк

под рил мне игрушку-солд тик . Я по бл год рил ее и ск з л, что очень люблю. Д , точно, именно тогд я понял, н сколько это ф льшиво — моя любовь к людям. Я никого не люблю, я только себя нен вижу. Он очень хороший, трепетный и добрый. Мне хочется призн ться м тери, нен вижу тебя, потому что ты — ф льшивк , к к и я. Одн жды я пришел домой р но из ст л ее в комн те с к ким-то мужчиной. Я убеж л к себе, через несколько минут пришл он и н ч л н меня крич ть: «К к ты посмел! Нр вит-ся подсм трив ть, идиот!» И положил н стол деньги, пятьсот рублей. «Только попробуй пики об этом!» З одинн дц ть лет никто не спросил меня о моих друзьях, которых я выдум л и про которых р сск зыв л, что с ними гуляю постоянно, тусуюсь, игр ю музыку и н концерты хожу. Ни о тип п нке Кексе (он — н стоящий, но все время в Линейку дом игр ет), ни о тип цээск шном ф н те, который слуш ет один СWT и ходит н fair-play'и. Д же К тяни р зу не спросил , хотя мы с ней почти дв год встреч лись. Зн чит, и вовсе не встреч лись, просто к з лось. Иногда мне к жется еще, что я слышу голос. Хороший, милый, добрый, нежный... **ИДИ СЮДА.** Я для себя не дорогой и не любимый. Хотел ст ть н пористым, но чем д льше, тем больше... не могу дел ть то, что хочу. Мы р сст лись с К тей, и я н ч л сомнев ться во всем: в слов х (что они все зн ч т?), в том, кто я т кой. Хотел н философский ф культет МГУ поступить. **ПОДНИМАЙСЯ.** Может, изучил бы что-нибудь т кое, что мне бы док з ло, что не все р вно, что бы ты ни дел л — все одно. Меня нет, я есть — солнце просып ется, волны прилив ют к берег м, ск лы т к же молч ливы. Миру все р вно, что меня нет. И я хочу, чтобы мне тоже ст ло все р вно. Совсем. **ЕЩЕ РАЗ.** Ведь К тя же с ним. Это ст ло понятно н ее дне рождения. И им было все р вно, что я все это вижу, я для них не существов л. Или к ктогд , они шли к К тиному дому, держ сь з руки, потом сдел ли вид, что ничего не дел ли. Д я и с м себе тогд говорил, что пок з лось. Пок з лось мне. **ВЫШЕ, ВЫШЕ.** Просто копирую модель поведения моего отчим -рог ч . Т ков моя судьб . Но в т кой судьбе я себя нен вижу, презир ю, зн ю, что другой у меня и не будет. Он себе навдумывал каких-то глупостей... А не повезло ли больше тем, кто, только родившись, ср зу умер? Почему-то мысли о пустоте и темноте меня з вор жив ют... **БЛИЖЕ, БЛИЖЕ.** Мы родились в к ком-то х осе, живем в нем, и все т к з пут но из-з него. Есть ли хорошие люди, есть

ли плохие. Мы идем, не вр ем с ми куд идем: вперед, н з д, влево, впр во. В мире нет ничего, в мире есть х ос. Везде — х ос. Я знала, что он мне врет. Говорил, что идет гулять с Кексом, а сам сидит дома. Всего лишь один ш г отделяет человек от с моубийств . Мысль эт бродит у всех, но не всегда щелк ет. Я одн жды сидел дом . Я понял л, что если пойду в комн ту отчим , дост ну его к меру и включу ее н з пись н чну говорить, глядя н кр сный огонек, то до роги н з д не будет. **ИДИ.** Оно смотрит в меня и говорит мне. Я слышу. Нет, может, я просто уеду. Возьму и уеду. Куд -нибудь в Америку. Оно молчит.

19.01.11

Полгода — и поступление в институт. Нервно все это, заморочно. Еж расстался с Катей, сказав ей самое простое и самое обидное: «Я не люблю тебя». Она заплакала искренне, со стоном. Еж сидел рядом с ней, смотрел на нее, а она на него. «Мы больше никогда не будем лежать вместе», — выдавливала из себя Катя, Еж гладил ее волосы и не мог ничего ответить. Катя лежала на боку и смотрела красными глазами на Ежа. Ж лко. Очень ж лко. Она уже отчаялась и начала говорить глупости: «Скажи мне что-нибудь плохое, скажи, чтобы мы разругались вконец!» Еж молчал и продолжал гладить ее волосы. Все закончилось, когда он, стоя в коридоре ее квартиры, все-таки вышел за дверь.

В начале третьей четверти в школе проводили дискотеку, и на нее Катя собралась идти вместе с Димой и Яшей. Еж к, без обид. К тух пойдет н диск ч с н ми. Еж сделал вид, что ему все равно: «Да я тоже пойду, чего такого?» Я-то дум л, что хотя бы ты, Яш , не т кой. Катя пришла на дискотеку вместе с Димой, и они сразу пошли к Яше, который запрятался в туалете на втором этаже.

— Он обещал какой-то сюрприз, — говорил Дима.

— Подожди секунду, — игриво сказала Катя.

Они целовались у входа в туалет. Дима чувствовал сладкий запах ее кожи и все не мог нарадоваться, что теперь им не надо скрываться. Дверь в туалет с грохотом на весь коридор открылась.

— Хорош сосаться! — У двери стоял Яша, который едва не вывалился из туалета. — Подь суды.

В туалете все — сизо. Двое румяных парней из девятого класса держали черные пакеты с алко-голем. Они на подхвате у Яши. В туалете тесно: и мальчики, и девочки курили, целовались, толкали друг друга, пили из горла.

— Этим двум — текилы! — обратился к румянбым Яша.

— Текилы? — переспросил Дима. — Откуда у тебя текила-то?

— Я никогда не пила, — призналась Катя.

Выпили. Катины глаза захмелели, губы заблестели, а волосы раскудрявились еще больше, чем обычно.

— А вкусно! — сказала она, улыбаясь. — Я пойду танцевать.

— Я догоню, — шепнул ей Дима.

Катя кивнула и вышла из импровизированного бара. Дима с Яшей выпили еще.

Дверь с шумом хлопнула опять. Вбежал Сенька из десятого:

— Шухер! Рудольфовна!

Девочки, бывшие тут же, закинулись жвачками и побежали в женский туалет, в другой конец коридора. Пацаны быстро допили остатки пива и водки, запихнули пустую тару в пакеты и выбросили в окно. Но все равно попались. Конечно, понятно было, кто все организовал — Яша. После девятого он ушел из школы и чувствовал себя безнаказанно. Кто ему теперь что скажет? Мать вызовут к директору? Оксана Рудольфовна зашла в туалет.

— Так! — зарычала она. — Ну-ка вон все отсюда!

Она приблизилась к Яше, который смотрел на нее спокойно, даже надменно.

— А ты, Яша, — выпалила учительница, схватила его за рукав и повела к выходу, — какой же ты наглец! Пошел отсюда!

— Оксана Рудольфовна! Чего вы его?.. — пытался вступить за друга Дима, шедший за ними.

— Слышите, я вас не трогаю, вот и вы меня не трогайте, да? — огрызнулся Яша.

— Забирай куртку! И чтобы ноги твоей здесь не было.

Яша зашел в раздевалку, взял куртку. То же сделал и Дима. Через минуту учительница, все так же держа Яшу за локоть, выволокла его на улицу.

— Ну Оксана Рудольфовна, он же ничего не сделал! — продолжал Дима.

Учительница обернулась и посмотрела на него злобно:

— И ты тоже — вон. В понедельник я с тобой поговорю!

Дима был всегда на хорошем счету, а тут — раз!.. Во дворике перед школой никого, только Дима и Яша. Все остальные уже там — в школе тусуются.

— На Каблуке можно тригана бахнуть, — предложил Яша.

— Не, — отказался Дима.

— А что тогда?..

— Я не знаю. Сейчас Кате позвоню. — Дима набрал ее номер, в ответ — долгие гудки. — Не берет что-то.

— Иди к ней, короч. Я тут че-нить сварганю сам.

— Да меня уже никто туда не пустит. Я ей эсэмэску напишу.

Яша обрадовался:

— Тогда пошли пиваса возьмем и у Каблука на лавке посидим.

— Лады.

Каблуком назывался двор рядом с школой, он заворачивался буквой «г». У Каблука обычно собиравались после школы покурить и иногда, если деньги есть у кого, выпить. Двор был огорожен от двух дорог гаражами, за которыми ничего не видно. Перед поворотом к Каблуку стоял магазин, в нем продавщица — бывшая ээчка (так рассказывали в школе), с наколками на руках, с черными глазами и золотым клыком, всегда без вопросов продавала и сигареты, и пиво. Дима и Яша зашли в магазин. Дима подошел к продавщице, попросил четыре бутылки пива, две пачки чипсов и пакет. Продавщица лениво цокнула, но собрала все быстро.

— Зырь, «Шапка-невидимка»! — толкнул Диму Яша, показывая на витрину у кассы. Там лежали презервативы, на упаковке которых в истоме стояла блондинка в купальнике. Яша после долгой паузы восхитился: — Буферастая какая!

Выйдя из магазина, парни двинули на Каблук, сели там на лавку. Прежде чем вытащить бутылки, Дима заглянул в мобильный: пропущенных нет, эсэмэсок — тоже.

— Доставай давай, — сказал нетерпеливо Яша.

Дима достал бутылки, прислонил горлышко у самой крышки к металлическому подлокотнику, ударил по крышке ладонью. Яша открыл бутылку зажигалкой. Достали чипсы. Стукнули бутылками. Выпили. У Димы перед глазами поплыло, в голове стало ватно, он сел на спинку скамейки.

— Яш, как думаешь, где Катя? — поинтересовался Дима.

— Ну, там, — ответил отстраненно Яша. — Где еще ей быть?

— А чего она трубу не берет?

— Громко. Да не ссы в компот, там повар ноги моет.

Сзади, откуда парни и пришли, послышался стук каблуков. Дима обернулся: какие-то две девки идут. Вроде мимо. Или нет — черт знает. Дима поставил бутылку и глянул на Яшу, тот сделал по-

следний глоток и ловким броском закинул бутылку в мусорку.

Две девушки зашли из-за спины, и одна, что поплотнее, в пуховой куртке с норковым воротником, скрывавшим пол-лица, спросила:

— Мальчики, закурить не найдется?

— Найдется, конечно, — простодушно ответил Яша и дал сигареты.

— А вы чего здесь делаете, мальчики?

— Пьем, — все также просто ответил Яша.

— Что пьете?

— Пиво пьем. Хочешь? — Яша достал еще одну бутылку из пакета.

— Нет, спасибо, — улыбнулась девушка и достала из куртки удостоверение. — Младший сержант Устинова. Пройдемте в отделение.

Другая девушка достала телефон и начала кому-то звонить.

— Это что, шутка такая? — не понял Дима.

— Нет, не шутка, мальчик. Распитие спиртных напитков в общественном месте. И несовершеннолетние. В отделение сами пойдете?

— Шли бы вы сами, — разозлился Яша.

— Тогда наряда подождем.

Девушка, говорившая по телефону, убрала его и кивнула коллеге: «Будут через семь минут».

— Давайте без наряда, пожалуйста, — заторопился Дима, он встал со скамейки неудачно, задел ногой свою бутылку пива. — Мы вот в этой школе учимся. Давайте туда зайдем, вы там нам выговор скажете — и все, без отделения.

— Нет, в отдел вам все равно придется с нами идти, — сказала строго вторая.

— Ладно, — не унимался Дима, — но все равно: давайте зайдем в школу.

— Ну хорошо. Пошли тогда.

И они медленно двинулись в сторону школы. Дима шепнул Яше: «На счет три!». И как только девушки отвернулись, Дима закричал «Три!». И побежали в разные стороны. Дима на секунду обернулся и увидел, что одна из девушек держит Яшу за рукав, но не остановился, побежал быстрее. Дима вылетел на дорогу, его чуть не сбила машина. Дима сел в автобус, который очень кстати только подъехал к остановке, и, тяжело дыша, снял куртку, попытался набрать Яше. Тот не взял трубку, но через минуту перезвонил.

— Я свалил, — с ходу выдавил Дима.

— Я тоже.

— По домам?

— Пока да, — ответил Яша.

Все — туман. Разноцветный и мутный, успокаивающий и ласкающий. Она танцевала лучше всех, она танцевала так, что каждый хотел прикоснуться к ее горячей коже, поцеловать ее, обнять. А она танцевала одна, она растворялась в тумане.

Сама и не заметила, как он появился прямо перед ней, провел рукой по талии, вдохнул ее запах, сладкий запах, который внезапно пробудил в нем все то, что спало так давно. Он прижал ее к себе и поцеловал.

Скоро, ни на секунду не выпуская друг друга, они пошли в раздевалку, и в дальнем ее углу это произошло. Их, кажется, кто-то заметил, смотрел за ними и смеялся, но было все равно. Пошли домой к ней. И в лифте он растянул платье ее так, что оно порвалось сбоку, на плече. Они ввалились в пустую квартиру и упали на кровать, она выдохнула: «Нравится...»

15.10.11

Настоящая: холодная, с листопадом и непрекращающимся дождем — осень.

Договорились встретиться вечером. Помянуть. Глупо, конечно, но место встречи — у дома Ежа. Катя настояла. Хмурые парни подтягивались к дому, стоявшем на горке. Пришел Кекс, которого Катя считала мифическим: парень как парень. *Мы с Ежом ч сто рубились в Линеюку, н сходке кл н виделись всего один р з, но, блин, п рень он хороший.* Пришли из десятого парни и несколько девочек, даже Ваня со своими гопарями. *Блин, п ц н молодой. Че случилось-то?* Пили водку, поставили у входа в подъезд рюмку с коркой черного хлеба. *Поср лся с род к ми, покурил говн и спрыгнул с 39-го эт ж , в Ховрино. Говорят, он дв р з прыг л. Один р з не получилось, и он поех л туд , в этот дом. Ты че несешь, он выпрыгнул из окн своего дом , у него кв ртир н втором эт же, потом вниз по улице, в дом М ксим -боксер . Л дно, д в й, будем...*

На улицу вышел отчим Ежа, и все подумали, что сейчас он всех разгонит. Он посмотрел на потерянные детские лица и промолчал. Яша протянул ему пластиковый стакан с водкой, отчим выпил залпом и ушел. Катя смотрела на рюмку пустым и неподвижным взглядом. «Уже ничего не поделиаешь. Его нет, больше нет, мы ничего не можем сделать», — все повторял и повторял ей на ухо Дима, и девушка скоро не выдержала, оттолкнула его и расплакалась горько. Ее трясло.

То и дело поднимался ветер, разгонявший похлывные листья. Холод делал воздух как будто

чище, и дышалось из-за этого ветра проще, легче. Катя щурилась, закрывала глаза. Он лежал т м серый. Белое лицо и тело как будто не его. Не были у него пухлыми пальцы на руках, а тут — пухлые. Может, это и не он?.. Глуповатая, простая прическа ежом та же, но волосы — нет, не те же: светлей, чем раньше. *Ты был непохож с м н себя... Они что, брови тебе н рисов ли? Т кие густые черные полосы. Бедный. Я бы тебе с м н рисов л лучше. Ежик. Вмятинк н лбу, у виск . Ежик, ну к к т к? Теперь все время слышу звук — горсти земли уд ряют по деревянной крышке. Ежик, я не могу т к...* Катя опять разрыдалась.

— Тащи ее до дома, — приказал Яша Диме.

— Нет! — закричала Катя и начала вырываться.

— Кать, пойдем, ты совсем замерзла.

— Да мне все равно! Я не хочу никуда!

Яша и Дима взяли ее под руки и медленно повели. Катя опустила голову и замолчала. Они шли дворами, и дворы, такие тихие, слышно в них только, как лают собаки. Как будто никого и нет в этом огромном спальном районе, где горят в каждой многоэтажке десятки окон, где каждый день кто-то влюбляется, плачет, радуется, горюет и...

— Все не так. Не будет больше так, — произнесла Катя, стоя у входа в подъезд.

— Будет по-другому, — ответил Дима.

Поднявшись на последний этаж, спустились в проем между лестничными клетками. Открыли окно, и из него пахнул сильный ветер.

— У меня такое чувство, — начала она, — что он уехал куда-то и сейчас видит нас. Смотрит и думает: небо перед закатом сегодня красное и ветер — значит, завтра холодно будет. Или, может, он какой-нибудь тайный агент, который на секретном задании сейчас? Скрывается от бандитов, и когда все закончится, он найдет нас сам и расскажет, почему он куда-то исчез так.

Яша и Дима молчали. *Я только одно зн л: н до жить д льше. Об этом к ждый день и говорил К те, Яше. Они вроде слуш ли и согл ш лись, но уходили все д льше и д льше. Мы совсем перест ли общ ться. Потому что учеб , р бот , дом — жизнь друг я пошл .*

И жили — Яша все больше времени проводил на работе у районного депутата; Дима начал учиться в институте, и учеба захлестнула его полностью, так, что времени оставалось только с однокурсниками раз в неделю после пар где-нибудь посидеть часик-другой; и Катя училась, совмещая учебу с работой, на улицу выходила она только, чтобы выгулять собаку, которую подарила ей на день рождения мама.

И лишь по временам каждый из них вспоминал о прошедшем, и оно казалось таким далеким, будто его и не было, а если и было, то с кем-то другим, не с ними. *Ведь когд -то я н зыв л Яшу лучшим другом. А теперь д же не зн ю, где он, что он...* Недавно видел Катю, и мне она показалась, если честно, какой-то пустой и глупенькой. Я смотрел на нее и не понимал, за что я мог любить эту неряшливую, взлохмаченную девочку с потрескавшимися ногтями. Похоже, мы повзрослели, но все — по-разному. Нам пришлось пройти через все это, чтобы стать взрослыми.

Мы все обещали встретиться, навестить вместе школу, но всегда как-то не до этого. Помню той осенью, последней осенью вместе, в Москве было очень холодно, и зима то и дело случалась.

Следующий день после похорон — день студеный: холодятся улицы, дома и жители. А на послезавтра — первый снегопад, порывистый поначалу, но потом неуверенный и тихий. Под вечер стало морозно так, что пар изо рта и зубы стучат. Я вышел из перехода и увидел свинцовое, засыпающее небо, в котором кое-где в густо-золотых разломах последние минуты догорало солнце. Усталое за лето и зимнюю осень, солнце не грело,

а просто светило, но светило ярко, обещая: обязательно следующим летом будет жара, чтобы никакой кондиционер не помог, чтобы бабушка, сидящая с вязаньем у метро и продающая кофты по 150 рублей за штуку, вздохнула тяжело: «Спасу нет от этой жары...»

Ветер хлестнул по лицу, и щеки покраснели. Холодно для октября очень. Когда автобус поднялся на горку и остановился у дома Ежа, я увидел окна его комнаты, и мне сразу вспомнилось, как мы вместе шли после дня рождения Яши, как я сел в автобус, посмотрел ему вслед и подумал, какой он все-таки странный. Сейчас в его комнате темно и никого нет. И деда нет. Почему вдруг об деде подумалось? Не знаю.

В первом классе, помню, снегопад начался часов в одиннадцать, на улице потемнело внезапно, замолчало все, и так же внезапно — повалил снег. После пятого урока все выбежали на улицу играть в снежки. И Яша был там, и Еж, и Катя, и я под свинцовым небом с густо-золотыми разломами от солнца. Такое же, как сейчас: счастливое и обещающее. Почему-то улыбнулся, улыбнулся этому небу и всему тому, что было, и тому, кто — был.